

Елена Сойни

Поэзия-утопия финской иммиграции в России. 1920–1930-е годы

Весомый вклад русской эмиграции в мировую культуру заставил говорить об эмиграции как о самом мощном феномене «посредничества» в межнациональных связях. Не умаляя значения русской эмиграции, надо признать, что и вклад финской эмиграции в литературу был весьма ценным. И хотя исследователи справедливо считают, что для финских писателей-иммигрантов было характерно стремление интегрироваться в советскую литературу¹, быть подлинными интернационалистами, на наш взгляд, исключительно важным в поэзии финнов было отстаивание своей «финскости», лучших черт финского менталитета, что проявилось в тематике их произведений и, прежде всего, в идеализации труда.

С победой Октябрьской революции в России и с поражением рабочей революции 1918 г. в Финляндии в истории русско-финских литературных взаимоотношений начался новый и совершенно неожиданный для обеих литератур этап. Полученную в декабре 1917 г. независимость финская буржуазия направила против собственного революционно настроенного пролетариата. От репрессий красные были вынуждены скрываться в Швеции, Америке, Канаде. Масса беглецов устремилась на Восток, в советскую Карелию, где их ждала судьба, полная трагических противоречий. В советской Карелии финский язык получил статус государственного, на нем стали издаваться десятки книг, была создана финская литература за пределами Финляндии. Советская Россия финансировала издания финноязычных журналов и газет, открывала для финских иммигрантов педагогические техникумы и даже институты. В судьбах финских иммигрантов в России были не только репрессии и лагеря, но и вполне счастливые годы, искренне воспетые финскими поэтами России.

Финскую поэтическую плеяду в литературе Карелии 1920–1930-х гг. представляли Ялмари Виртанен (1889–1939), приехавший в Карелию в 1921 г. из Ленинграда, Лаури Летонмяки (1886–1935), Сантери Мякеля (1870–1936), Рагнар Руско (1898–1939), Герман Ла-

---

¹ *Анто Э. Л.* Финноязычная литература Карелии // История литературы Карелии. В 3 т. Т. 2. СПб., 1997. С. 42–48.

укканен (1892–1943), Вальде Викман (годы жизни не выявлены), Оскар Иоганссон (1892–1938), Эмиль Виртанен (1900–1945), Вейкко Эрвасти (1913–1947), Людвиг Косонен (1900–1938), Микаэль Рутанен (1883–1932). Их стихи публиковались в ленинградской газете «Vapaus» («Свобода») и в карельских «Karjalan kommuni» («Карельская коммуна»), «Punainen Karjala» («Красная Карелия»), в журналах «Punakantele» («Красное кантеле»), «Soihtu» («Факел»), в альманахе «Kevätvyöry» («Весенний поток»). С 1926 г. Я. Виртанен, О. Иоганссон, Р. Руско были членами карельской ассоциации пролетарских писателей (КАПП), а позже были приняты в Союз писателей СССР. Лаури Летонмяки, Юрьё Сирола, Хильда Тихля, Ялмари Виртанен, Микаэль Рутанен, Сантери Мякеля приехали в Карелию уже состоявшимися писателями, а Рагнар Руско, Эмиль Паррас, Людвиг Косонен, Герман Лаукканен и многие другие впервые здесь вступили на литературную стезю.

Финноязычная поэзия и проза России 1920–1930-х гг. — одна из своеобразных страниц в истории словесного искусства. Это была литература, возникшая на перекрестке литературных традиций разных народов, стран и даже полушарий. Советская Карелия в 1920-х — в начале 1930-х гг. поистине стала Новым Светом для тысяч финнов, приехавших сюда из Финляндии, Соединенных Штатов Америки, Канады. С одной стороны, они перенесли в Россию культуру, в которой были воспитаны. И читателю, знакомому с финляндской и американской поэзией, не составит труда увидеть общие черты в творчестве Уолта Уитмена и российского финна Лаури Летонмяки, видной финской поэтессы Катри Вала и приехавшего в Карелию Микаэля Рутанена. С другой стороны, условия, в которых пришлось жить финнам в советской России, идеалы человеческих взаимоотношений были совершенно иными, чем в покинутых ими странах. И финноязычная поэзия, естественно, стала выражать во многом иные ценности. С советской Россией финны связывали мечту о социализме. Участники революционного финляндского движения, спасшиеся в России от тюрем белофиннов, смогли создать жизнеутверждающую, молодую по своему мироощущению поэзию.

Карельскими литературоведами Э. Г. Карху и Э. Л. Алто проанализирована эволюция финноязычной поэзии Карелии как ветви советской литературы. Э. Л. Алто отмечает в поэзии финнов излишнюю агитационность, декларативность, песенно-маршевый стиль. Все это справедливо. Мы постараемся взглянуть на отличительные черты поэзии финских эмигрантов как на особенность, полученную в наследство от Уолта Уитмена и эстетики финского экспрессионизма.

Будучи подготовленными культурной атмосферой Америки и после-революционной Финляндии, финские иммигранты встретились в советской России с поэзией Владимира Маяковского, а через него с эстетикой русского футуризма, почувствовали ее близкой своим поэтическим установам.

В Ленинграде и Петрозаводске сначала в переводах, а вскоре и в оригиналах финны познакомились с многоголкой, противоречивой русской поэзией 1920-х гг. Игнорировать ее – значило обречь себя на неизбежный провинциализм. Этого не случилось, как не было и другой крайности – слепого подражания Владимиру Маяковскому, Сергею Есенину, Демьяну Бедному. Также в Карелии финны встретились с народом, давшим миру богатейший фольклор и сохранившим традиционную материальную культуру. Материальная культура карел, их национальные традиции, язык, природа, не могли не влиять и влияли на начинающих и опытных писателей, приехавших в Карелию, и в результате появилась уникальная финская поэзия России, в которой пересеклись различные литературные и фольклорные традиции. И эта поэзия была востребована, читаема как финским, так и всеми народами Карелии 1920–1930-х гг., однако критикой эта поэзия до сих пор не оценена по достоинству.

Критика не раз снисходительно писала о «скромных дарованиях» финских поэтов Карелии, что, на наш взгляд, явно несправедливо. Для новой, молодой, появившейся в столь необычных условиях литературы эти дарования были вполне серьезны.

Первый поэтический сборник «Kumouksen kuohuista» («Из бурных волн революции»), объединивший стихи трех поэтов – С. Мякеля, Г. Лаукканена и В. Викмана, вышел в ленинградском издательстве «Kirja» («Книга») в 1925 г. К этому времени Сантери Мякеля уже успел опубликовать отдельной книжкой рассказ «Linda» («Линда») о войне 1808–1809 гг. и роман «Elämä ikuisessa yössä» («Жизнь в вечной ночи», 1911). Обе книги вышли в США, куда девятнадцатилетний Сантери уехал из Финляндии в «поисках золота <...>, снабженный едой и хорошими советами»¹. «Жизнь в вечной ночи» – роман о шахтерах. Американские шахты Мякеля знал не понаслышке. Изю дня в день он туда опускался не один год. Америка, которая была для шахтеров, финских переселенцев, описываемых в романе, последней любовью, с которой они связывали свои последние надежды, обманула, не принесла эмигрантам ни денег, ни счастья, не смогла заставить финнов забыть родину:

---

¹ Lepola K. Kynätyösaralla, puhujalavalla ja apajilla // Kevätvyöry. 1934. N 6. S. 141–142.

Jäi kauvas kotiranta
Pois pohjantaivaan alta
Me matkattiin
En sinne koskaan palaa
Vaikk sydän itkee, hallaa ...
On siellä mulla kulta,
Min maailma ryösti multa
Jo harmaa hapsinen.
Se kulkee sauvaan nojaten
Ja leipää keräten¹.

(«Остался вдали родной берег, мы уехали из-под северного небосклона и никогда туда не вернемся, хотя сердце плачет и страстно желает ... Там мое золотце, ее украл у меня мир. Уже седая, белая как лунь, ходит она, опираясь на палку и прося кусок хлеба...»²). Для шахтеров оставался старый, но верный способ утешения – вино, и о нем пел свои песни один из героев романа Яска. Мякеля вкладывает в уста шахтера ироничные строки, которые могли бы произносить золотоискатели Клондайка:

Käy vinhasti käyrä
Ja katkea kieli
Ja tanssios sormeni sukkelaa
Ja helkkyös lasi
Ja innostu mieli
Saa, viuluni, poytäki tanssimaan
Koska valtio viinaa myö!
Huil vahtoa viini
Ja samppanja kuuhu!...
Ja kastele märjäksi taivahankansi!

Ja sammuta tähtien tuikkiva loisto...
Koska valtio viinaa myö!
Juo, ihminen, kurja!
Kuoletan kerran —...
Juo, ihminen, kurja
Sun henkes verran —...
Koska kirkkokin viinaa myö!³

(«Играй, мой смычок. Рвитесь, мои струны, и живо танцуйте, мои пальцы, пусть дрожат стаканы и возвышается дух. Заставь, скрипка, и стол танцевать, раз государство торгует вином! Закипай, шампанское ... И замочи небесную твердь, и погаси мерцающий блеск звезд ... Раз государство торгует вином! Пей, презренный человек, все равно когда-нибудь умирать ... Пей, презренный, от души ... раз и церковь торгует вином!»)

---

¹ *Mäkelä S. Elämä ikuisessa yössä. Michigan, 1911. S. 69.*

² Здесь и далее перевод на русский язык с финского выполнен автором, за исключением особо оговоренных в тексте случаев.

³ *Mäkelä S. Elämä ikuisessa yössä. S. 72.*

Поэзия Мякеля была изначально социальна. Его поистине антиалкогольные призывы «Пей... раз государство торгует вином!» полностью лишены романтической окраски, это скорее прямой протест, нежели желание утешить свое горе.

Демократичность, обращение к согражданам, активное использование индустриальной лексики, противопоставление пролетариев и господ — все это оставил в наследство американской поэзии начала XX в. Уолт Уитмен. Уитменовское направление, представленное Карлом Сэндбергом, Эдгаром Ли Мастерсом, было в 1910-е гг. самым заметным, определяющим в поэзии Соединенных Штатов. Яркой чертой этого направления по праву считается публицистичность, социальность. Приверженцем уитменовского направления стал и Мякеля. Социальная заостренность, в некоторых случаях излишняя, присущая вообще американской поэзии начала века и ранее — самому Уитмену, доминирует в творчестве молодого финна. Реалии времени становятся реалиями его поэзии. В 1903 г., по свидетельству критика Калле Лепола, среди американских финнов приобрела огромную популярность «Песня шахтера» Мякеля, где поэт говорит для шахтеров и от имени шахтеров:

Niin musta, niin musta on ikuinen yö
Ja kello lyö kaksitoista.
Torkkujen toverit istuskelee
Hikikarpalot kulmillahan.

Так черна, так черна эта вечная ночь,
когда часы бьют двенадцать.
Дремля, сидят товарищи,
Капли пота, как ягоды клюквы
на бровях.

Niin musta, niin musta on
manalan työ,
Josta mä leipäni hain.
Kapitaali mun orjakseen ostanut on
Käsivarten ja verenikin.

Так черна, так черна работа,
В аду Маналы, дающая мне хлеб.
Капитал купил меня в рабство,
Купил и руки мои и даже кровь.

Armaani, armaani kalpea, oi,
Mi syömmeni syttymään sait:
Nyt valkeella vuoteellas lepäjät kait
Ikivuori mun peittävi vain...

О любимая, любимая бледнолицая,
Ты заставила биться мое сердце.
Сейчас ты, наверное, блаженствуешь на
Белой постели, а надо мной
вечная гора...

Vapaus, vapaus, vapaus suur
Sun nimies on jumalainen!
Jos verelläin sinut vain ostaa voisiin
Ilmielin sen uhraisin...

О свобода, свобода, свобода великая,
Твое имя божественно!
Если бы я мог тебя выкупить кровью,
Я бы с радостью принес ее в жертву...

Мякеля удачно избегает прозаизации поэтического текста, его песня потому и была любима среди финских шахтеров, что каждая ее строка содержала в себе образ и эмоциональный накал.

В «Песне шахтера» есть привычная для пролетарской поэзии тех лет лексика: «пролетарий», «тиран», «борьба», «свобода», есть призывы к борьбе и жажда «кровавых роз»:

Oi luoja, oi luoja, sua kiroa en,
En kiroa kohtaloain.
Minä kiroan valtoja tyrannien
Ja vapauttain ikävöitsen...

Minä ikävöin vapautta ihmiskunnan,
Proletaarien sorrettujen.
Minä ikävöin taistohon kuumimpahan,
Veriruuksuja katsomahan!¹

(«О создатель, создатель, я не кляню ни тебя, ни свою судьбу, я поднимаю голос на тиранов и тоскую по свободе человечества, угнетенных пролетариев. Я тоскую по горячей борьбе, я хочу видеть кровавые розы».)

Но при всей жажде борьбы и даже «кровавых роз» Мякеля мечтает, чтобы свобода пролетариата была достигнута не ценой тотального разрушения. Трагизм класса — это не трагизм бытия, он преодолим. Мякеля не осуждает Бога и его создания, не осуждает бледнолицую любимую, живущую на верхнем этаже, за ее видимое благополучие. Образ создателя, как и образ любимой, остаются незыблемыми идеалами в его поэзии. Калле Лепола и позже Тайсто Сумманен² справедливо писали в своих статьях о Мякеля, что на мирозерцании поэта сказывалась его принадлежность к древнему крестьянскому роду с вековыми традициями и ценностями.

Служение гуманистическим идеалам было характерно для поэзии Мякеля и в новой для него советской действительности. Свой гуманизм, широту литературных взглядов Мякеля подтвердил в статье «О пролетарском искусстве», опубликованной в журнале «Сойхту»: «Писателю нельзя... упрямо отвергать всякое произведение буржуазного искусства. Надо не бояться учиться у буржуа. ... Если классовое чувство, точнее, классовая ненависть станет столь слепой, что мы безоговорочно осудим все, произведенное буржуазией, как мусор, как ересь,

---

¹ *Mäkelä S. Kaivostyömiehen laulu // Lepola K. Op. cit. S. 144–145.*

² *Сумманен Т. [Без названия] // Очерк истории литературы Советской Карелии. Петрозаводск, 1969. С. 63–74.*

достойную костра, то это будет равносильно выплескиванию ребенка из ванны вместе с водой»¹. В стихотворении «Taistelua ja kuolemaa» («Борьба и смерть», 1919), посвященном финским красногвардейцам, поэт с проклятьем и благословением одновременно вспоминает родную землю, где они погибли:

Kiroten muistamme maata,
Missä on kruunattu rikos
Ja veljien murha.

Siunaten muistamme maata,
Missä on veljiemme hauta,
Joidenka keralla kerta,
Nojaten olkahan olka
Riveissä seisomme
Uhmaten lahtarivaltaa!²

(«С проклятьем вспоминаем землю, где могилы наших предков, где короновано преступление и братоубийство. И все же с благословением вспоминаем землю, где могилы наших братьев, где плечом к плечу стояли в рядах, сопротивляясь власти лахтарей».)

Поражение финляндской революции, участником которой был поэт, оставило тяжелый след в его душе. Болью и душевной горечью пронизаны строки «Jaakko Ikan kirous» («Проклятье Якко Илкки», 1924). В этом стихотворении не осталось места ни прощению, ни благословению, только чувство гнева и вера «жгучая в... правду». От Якко Илкки достается и самому Богу, и священнослужителям.

К черту речи поповские
и перезвон колокольный!
Нам не в братской могиле лежать,
а в холодном песке.

Бледнолицые девушки из шахтерских песен раннего Мякеля превращаются в этом стихотворении в «истеричных господских шлюх». Лирический герой проклинает землю, «что несет бедняку лишь оковы», проклинает «генералов, сборщиков разных налогов», «тюрьмы и мрачный топор палача». Что же остается идеальным? Что остается, когда потеряна родина? В чем видит неизменные ценности автор «Проклятья Якко Илкки»? В чем, наконец, истина? И во имя чего происходили сражения, столь образно описанные Мякеля:

---

¹ *Mäkelä S. Proletaarisesta taiteesta // Soihtu. 1929. N 10. S.10.*

² *Mäkelä S. Taistelua ja kuolemaa // Kumouksen kuohuista. Leningrad, 1925. S. 11.*

Мы сшибались с врагом —
так сшибается пахарь с камнями,

Что встают из борозд
и о лемех скрежешут стальной.
Мы громили господ всем народом, а не в одиночку.
Не страшны кандалы нам,
ни холод,
ни голод,
ни смерть¹.

(Перевод Р. Такала)

На эти сложные вопросы поэт дает простой, но, пожалуй, единственно верный ответ: неизменной ценностью для поэта остается труд землепашца, и вообще труд, который не обманет, не предаст. Русские писатели, потерявшие родину, ответили бы иначе: «Бог и Она» (Юрий Бессонов. «26 тюрем и побег с Соловков»), «Бог и музыка» (Иван Савин. «Лимонадная будка»). Награда за труд, по мнению Мякеля, должна принадлежать лишь человеку труда.

Мы — рабы. Но сильны мы одною заветною верой.
Что прекраснее утра и чище багряной зари.
Тот хозяин лесов, что стволы заскорузные валит,
Хлеб — того, кто его своим потом растит².

(Перевод Р. Такала)

Из всех стихотворений Мякеля, написанных в Карелии, наибольшую известность получило его поэтическое обращение «Молчаливым борцам» («Mukille jokoille», 1922). Оно было востребовано, переводилось, о нем тепло отзывалась современная поэту критика. Оно выдержало и проверку временем, было опубликовано в «Антологии карельской поэзии» в 1963 г., в сборнике «Rakettu on gaudalla» («Сталью закаленная...», 1976) и в юбилейном издании «Песнь Октября» (1987).

«...Молчаливые массы говорили языком своих великих дел»³, — писал о стихотворении Калле Лепола. Оппозиция слова и дела у Мякеля приобретает новый смысловой оттенок — словам противопоставляются не только подвиги и великие дела, но и шрамы («Молчите — но раны за вас говорят»⁴, перевод М. Тарасова) и могилы бойцов

---

¹ Мякеля С. Проклятье Якко Илкки // Антология карельской поэзии. Петрозаводск, 1963. С. 124.

² Там же.

³ Lepola K. Op. cit. S. 148.

⁴ Мякеля С. Молчаливым борцам // Антология карельской поэзии. С. 121.

(«Могилы среди бесконечных снегов / Холмов неподвижные волны»). Повествуя о судьбе «молчаливых бойцов», поэт останавливает свое внимание на событиях Гражданской войны («Громил ты и Врангеля и Колчака...»), и создается такое впечатление, что на вопрос, поставленный в самом начале стихотворения, поэт не может найти ответа:

О люди, кто был молчаливым в борьбе,
Откуда вы – кто вы, ответьте?
И кто нам расскажет о вашей судьбе,
О том, что давно вы храните в себе,
Что вы повидали на свете¹.

Т. Сумманен высказывает предположение, что Мякеля адресует вопрос скорее к себе, чем к погибшим финским красногвардейцам. И то, что вопрос остается открытым, придает стихотворению драматичность и трагическое звучание. Мякеля не сказал и не мог сказать всего, что тревожило его сердце. Пафос его лирики уступает место поэзии полунамеков с чертами обреченности. Но если герой ранних стихотворений Мякеля находил утешение в вине, то герой его поэзии 1920-х гг. находит утешение в труде.

Другой автор сборника «Из бурных волн революции» – Герман Лаукканен – представлен двумя стихотворениями «Inkerin kyntäjä» («Ингерманландский пахарь», 1923) и «Käy juhlaan» («Настал твой праздник», 1923). Герман Лаукканен – выходец из города Савонлинна, жил с 1915 г. в Петрограде, участвовал в боях с колчаковской армией, в 1929 г. переехал в Петрозаводск. Здесь в 1931 г. выпустил поэтический сборник «Elettyä» («Прожитое»). Поэзия Лаукканена – ярко жизнеутверждающая и молодая по мироощущению, каждое стихотворение наполнено ожиданием будущего, которое представлялось поэту почти исключительно в розовых тонах.

Если он пишет о мученической жизни раба, то непременно обещает, что будет возмездие, придет час отмщения («Te kuuletteko», «Вы слышите», 1926), что старый мир будет разрушен и наступит новое утро:

Silloin
Syksy-yöhön
orjantyöhön
Karjahtaa kutsu kerran...
Iskee kuin teräs terävä,
Viiltää kuin pakkasvihuri,

---

¹ Мякеля С. Молчаливым борцам.

(«...весной объездим земли, вот тогда у нас будет высокий дом, полный всего. Дом, как церковь; хлев, как крепость, и развевающийся флаг сверху... Совместным трудом поднимается новая жизнь».)

Сейчас это стихотворение-утопия Лаукканена вызывает улыбку. Но его мечта была мечтой многих современников поэта, и он смог ее выразить искренне. В поэтическом мироощущении Лаукканена мало ненависти, злобы, много юмора, причем юмора доброго. Даже говоря о «старых временах», он скорее смеется над ними, чем проклинает:

Tuumin, mistä tulla voisi,
ett on kaikki ollut toisin,
onneen jos sä suunnit tiesi,
onnettomuuden olit miesi.
Pyrit, missä valon valta,
Löysit itses vuoren alta;
<...>

Päätin: siin on jokin taika,
Ratkaiskohon sen siis aika...
Muuttui aika...
...nyt jos valoon tiesi sääsit,
niin myös kävi, valoon pääsit ...
Silloin mulle selvis taika!
Sehän ol'kin herrain aika.
Tieten...
Olimme me hullu kansa.

(«Viisaat ja hullut» / «Глупые и умные», 1920. С. 5–6)

(«Думал я, почему так выходит, что все в жизни наоборот. Направишь свой путь к счастью – будешь горемыкой. Устремишься в державу Света – отыщешь себя под горой <...> И решил я, все это – колдовство, пусть время его объяснит <...> Изменилось время <...> теперь если отправишься к свету, то, оказывается, дойдешь <...> И открылась мне тайна колдовства! Тогда было время господ <...> а мы, понятное дело, были глупым народом».)

Герман Лаукканен в отличие от Мякеля был более восприимчив к карельской природе, детали карельского пейзажа присутствуют во многих его стихах. Поэт не ищет в природе Карелии экзотики, тайн, древней истории, того, чем привлекал Север русских поэтов, особенно дореволюционных. Лаукканен слышит в карельском лесу не столько шум сосен и песни птиц, сколько шум лесоповала и песню рабочих.

Поэта справедливо можно упрекнуть в некотором «потребительском» отношении к природе. Но это позиция именно человека труда. Он размышляет, какую выгоду принесут народу Карелии сосновые «бревнышки», ранее никому не нужные, как эти бревнышки будут обмениваться на машины и как будет расти благосостояние народа, и все же в чувстве искренней любви к природе Карелии Лаукканену отказать нельзя:

Soi solkihongat vierellä veen,
harjujen harjanteillä,
nuokkuvat notkeina hiljallen
tuulissa tuntureilla.
Kattavat kauniin Karjalan maan
vihreiden salojen syliin. —
Onnipa kulkevi kasvustaan
Karjalan köyhiin kyliin.

(«Karjalan hongat» / «Карельская сосна», 1930. С. 43)

(«Поют сосновые шпильки на холмистых склонах над водой, обвеваемые горными ветрами, и словно дремлют в тишине. Обнимая скалы, они покрывают собой прекрасную карельскую землю. Они растут и вместе с ними растет счастье в бедных карельских деревнях».)

Микаэль Рутанен прожил в Карелии всего около двух лет, но именно ему довелось стать певцом этого края. Столь восторженно и восхищенно, как Рутанен, о Карелии финноязычные поэты в начале тридцатых годов не писали. И даже его трагическая смерть на лесоповале от удара падающего дерева была окрашена в некие символические карельские тона.

Рутанен приехал в Карелию в 1931 г. из Соединенных Штатов Америки, где жил с 1908 г., меняя в поисках работы города: Детройт на Нетанн, Миннесоту на Пенсильванию — и где он успел прославиться как рабочий поэт. Микаэль Рутанен явно вышел из романтиков, романтическое, а точнее, неоромантическое мироощущение характерно для его ранних стихотворений. Образы света, вестника, звезд, идея красоты как высшей ценности мира — вот реалии поэтического мира молодого Рутанена. Поэт был всего на пять лет моложе Эйно Лейно, лидера финского неоромантизма. И часто цитируемые стихи Лейно «Когда стоят часы» («Kun kello seisoo», 1896), несомненно, были известны молодому Рутанену, бравшему книги в рабочей библиотеке¹. Лейно пишет о той неразберихе, что возникла в народе, когда остановились часы на городской башне; поэт верит, что должно быть наконец восстановлено истинное время:

Jos tääll ois mies, jos yksikin
Niin itse nousis tornihin
Ja voiman oikeudelle hän
Sen kellon vetäis käymähän
Ja huutais: ”Häin on aika maan!”²

¹ См. об этом: *Luoto L. Joonas Mikael Rutanen // Rutanen M. Työn laulu. Leningrad, 1933. S. 3—5.*

² *Leino E. Tarina Suuresta Tammesta u.m. Porvoo, 1896. S. 62.*

(«Если бы нашелся хоть один мужчина и сам поднялся на башню и со всей силой пустил бы ход часов и крикнул бы: «Вот какое время на земле!»)

Стихотворение Рутанена «Глашатаю счастья» («*Onnen airueelle*», 1908, опубликовано в 1933 г.) — это такой же, в традиции неоромантиков, поиск человека, героя, вестника, кто мог бы предсказать великий день, кто мог бы восстановить истинное время:

Suomen taivas synkkä, musta,
poissa kevät, eessä syys,
sydämessä kansan tuska,
raivoo ajan kylmekkyys.
<...>
Saavu tänne onnen airut,
Päivää suurta ennusta,
joka poistaa surun vaurut
pohjolani taivaalta¹.

(«Мрачное темное небо Финляндии. Ушла весна. На подходе осень, в сердце народа тоска, холод времени тревожит небо. <...> Прибудь сюда, глашатай счастья, предскажи великий день, когда исчезнет с моего северного неба печаль. Зажги в измученном сердце пробуждающуюся жизнь. Дай в сумерках времени высокую власть солнцу».)

Неоромантическая традиция проявилась в творчестве Рутанена не только в стремлении создать образ романтического героя-спасителя и в поэтической жажде света, она прослеживается во внимании поэта к внутреннему миру человека, в некотором психологизме и мягкости его политической лирики. Мягкость и условность ранней поэзии Рутанена отметил еще в 1933 г. Лаури Летонмяки. В своей статье «О творчестве Микаэля Рутанена» Летонмяки писал, что эти качества «будут характерны для поэта в течение десятилетий»².

В 1930 г. в Америке, в Сьюперииоре, где жил Рутанен, вышел сборник его стихов «Песни борьбы» («*Taistelun säveliä*»). Рутанен был близок уитменовскому направлению своим демократизмом и пролетарской тематикой, но со стихами Уитмена поэзия Рутанена перекликается не часто.

У финского поэта в его «американских» стихах нет ни открытого обращения к согражданам, ни отождествления себя с окружающим миром, ни «индивидуальной» лексики, ни пристального внимания к

---

¹ *Rutanen M.* Työn laulu. S. 10.

² *Letonmäki L.* Mikael Rutasen tuotannosta // *Rutanen M.* Työn laulu. S. 11.

конкретным деталям быта. Конечно, для «Песен борьбы» характерно сочувствие рабочему движению, темы гражданской войны в Финляндии и революции в России, однако эта тематика используется для постановки вечных вопросов бытия, братской любви (в ее романтическом, а не экспрессионистском варианте), отцов и детей, человека и общества, жизни и смерти. Поэзия Рутанена 1920-х гг. более тесно переплетается с романтической ветвью американской поэзии XX в., давшей миру Роберта Фроста и Эмили Дикинсон.

Книга Рутанена начинается стихотворением «Памяти русской революции» («Venäjän vallankumouksen muistolle»), в котором воспоминания о «кричаще нищенском существовании» простого человека в царской России завершаются призывом, звучащим как послание высших сил:

Näki kansa kuin ilmestyksen
Ja HUUTAVAN ÄÄNEN kuuli:
– Jo nouskaa...¹

(«Увидел народ явление и услышал КРИЧАЩИЙ ГОЛОС: – Поднимайтесь...»)

И хотя «кричащий голос» убеждает угнетенных людей, что им поможет не «жалость богов, а только сила и воля масс», все же именно богиня счастья проявляет благосклонность к рабочему люду и берет под свою опеку.

В стихотворении «Братья» («Veljekset») поэт пытается разобраться в чувствах красноармейца, встретившего на поле боя раненого родного брата, сражавшегося на стороне белых. О близких людях, оказавшихся по разные стороны баррикад, написано в мировой литературе немало. Вспомним Б. Лавренева, М. Булгакова, М. Шолохова. Каждый писатель предлагает свой вариант человеческого поведения в сложнейшей ситуации. Рутанен ставит красного героя перед мучительным выбором между идеей революции и братской любовью. Финал стихотворения остается открытым, незавершенным, красногвардеец отказывается быть судьей собственному брату: «Добрые чувства заполняли сердце героя... и стал он как в детстве».

Поэту важнее раскрыть психологию своих героев, показать, что любовь к родному дому, к матери, к братьям – это высшее проявление нравственности, абсолютная ценность, которая выше социальных, политических разногласий:

---

¹ *Rutanen M. Taistelun säveliä. Superior, 1930. S. 4.*

Taistelu se oli sisäisintä
Kahden voiman: vihan, rakkauden. <...>
Muistui mielehensä äiti raukka,
Äiti köyhä, äiti surusilma,
Ryppyhuuli, puutteen näännyttämä.
Sama sydän sykki molemmille,
Molempia ruokki sama rinta,
Sama kohtu molempia kanto!¹

(«Внутри у него кипела битва между ненавистью и любовью. <...> Вспомнил он свою мать, мать бедную и печальную, не знавшую радости. Одно сердце билось навстречу братьям, одна грудь кормила обоих, одно чрево вынашивало».)

В Карелии лира Рутанена зазвучала по-новому. Можно говорить если не о разных поэтах в лице Рутанена, то о разных подходах Рутанена к творчеству. В Карелии поэта интересует не столько движение души героев, не их внутренний мир и психология, сколько события, окружающая действительность, опять же труд.

От внутреннего мира личности поэт обращается к миру внешнему и воспевает его. Более того, главными героями стихов Рутанена становятся топоры, гвозди, машины, пилы, порой создается впечатление, что все это приходит в действие само по себе, без участия человека.

Sihisevät sahat,
Iskevät kirveet.
Kaatuvat jymisten
Solakat männyt;
Luisuvat järvien
Jokien uomaa
Karjalan sahojen
Sirkkeliteriin
Laudoiksi, lankuiksi
Leikattavaksi².

(«Свистят пилы, бьют топоры, падают с шумом крепкие сосны, скользят по отлогим берегам озер и рек. Они падают, чтобы быть распиленными лезвиями карельских циркульных пил». «Песня труда».)

Если в сборнике Рутанена, вышедшем в 1933 г., и появляется человек, то это человек работающий, что-то строящий, пилящий, рубящий, и, точнее, не один человек, а массы.

---

¹ *Rutanen M.* Taistelun säveliä. S. 18.

² *Rutanen M.* Työn laulu. Leningrad, 1933. S. 16. (В дальнейшем при ссылках на это издание в скобках указываются страницы.)

Iskurit iskevät yhteisin voimin
Tietävät:
Maailman proletariaatti
Katsoo meitä...

(«Metsän iskurit». С. 20)

(«Сообща трудятся ударники, знают, мировой пролетариат смотрит на нас...». «Лесные ударники».)

Женщина в поэзии Рутанена представлена прежде всего как человек труда, работница. Причем работает она наравне с мужчинами.

Rohkeena astuu hän
Miesten rinnalle
Työhön ja toimeen...
Aika kun vaatii ja —
Työn tasavalta.

(«Karjalan nainen». С. 25)

(«Смело вступает она вместе с мужчинами в работу, как требует время и трудовая держава». «Карельская женщина».)

Поэт слишком бегло сравнивает жизнь женщины в старой и новой Карелии. «Что раньше она знала, неся свой тяжелейший груз, будучи рабыней?», — спрашивает себя поэт. И отвечает: «Угнетение и рабство», словом — тяжелый труд. А на вопрос: «Что она знает теперь, в современные поэту дни?», — Рутанен отвечает опять же: «Труд». Правда, труд одухотворенный, осмысленный.

Arvonsa tuntien nyt
Työn äärehen astuu,
Kun kutsuvi työväen maa...

(«Зная себе цену, она идет работать, когда призывает ее рабочая страна...»)

В финноязычной поэзии Карелии не было создано образов женщин, подобных блоковской «прекрасной даме», «небожительниц», «незнакомок». Вероятно, их не было и в действительности, да и не могло быть. Если даже поэт требовал от своей лирической героини, чтобы она «трудилась, как могла и направляла свой удар глубже в сердце... старого, исчезающего кулацкого класса...», чтобы она «сокрушая старое, создавала новое», то действительность требовала от женщины куда больше.

В чем видел поэт цель самозабвенной работы своих героев? Во имя чего они трудятся? Во многих стихотворениях на эти вопросы Рутанен отвечает однозначно:

Nousevi Karjalan
Köyhien onni
Sosialismia luovasta työstä.

(«Työn laulu». С. 17)

(«Да возникнет счастье карельских бедняков из созидającego социализм труда». «Песня труда».)

Metsien iskurit osansa täyttää <...>
hyödyksi työväen, työn tasavallan,
turvaksi maailman proletariaatin.

(«Metsän iskurit». С. 20)

(«Лесные ударники исполняют свой долг <...> на благо рабочего люда, республики труда, на поддержку мирового пролетариата». «Лесные ударники».)

Teräsmoukari nousee, laskee, lyö,
Väen köyhän onnea laulaa työ.

(«Työn laulu»)

(«Стальной молот поднимается, опускается, бьет, труд поет песню счастья бедному люду». «Песня труда».)

Итак, работа по имя счастья карельских бедняков, блага рабочего люда, рабочей республики, во имя созидания социализма и победы мирового пролетариата. Однако работа, по мнению поэта, сама по себе счастье. «Благо рабочего люда» было идеалом, далеким, прекрасным, но все же условным. А труд был реален, воплощал в себе все идеалы, придавал утопии черты подлинной жизни. Труд спасал, заменял веру:

Poissa on silmiltä
Uskonnon luomat
Pimityspeitteet,
Jotka on estäneet valon.
Poissa on kirkkojen valheet,
Pappien tai'at...

(«Karjalan nainen»)

(«Прочь с глаз завесы религии, застилавшие свет, прочь церковная ложь и поповские сказки...». «Карельская женщина».)

Труд одновременно становился верой, счастьем, смыслом жизни и, соответственно, жизнью, он был одухотворен и идеализирован. И, пожалуй, ключевой в поэзии Рутанена, созданной в Карелии, является строка:

Uppoa, kirves! Saha, syö puutta!
Metsien iskurit toivo ei muuta.

(«Metsän iskurit». С. 20)

(«Врубайся, топор! Грызи, пила, дерево! Лесные ударники ни о чем другом не мечтают». «Лесные ударники».)

Рутанен не называет работу любимой или нелюбимой. Работа, по мнению поэта, может быть только счастливой. Чтобы воспеть такой труд, поэт призывает появиться знаменитого Элиаса Лённрота, составителя «Калевалы», «ожить» в советской России. Поэт обещает Лённроту, что здесь он услышит песни труда, которые и Финляндии могли бы принести вечное счастье. Эпические руны, по словам поэта, меркнут по сравнению с этими песнями, создающимися не воображением:

Työn Suomi, laita Lönnrotisi meille,
Hän parhaimmat nyt laulut koota saa.
Ne vanhat – ennen laulamamme teille –
Nää uudet Kuultunsa unohtaa.

(«Työn laulu»)

(«Рабочая Финляндия, пошли нам своего Лённрота, он сможет лучшие песни собрать сейчас, и те, старые, что мы пели прежде, он забудет, услышав нас». «Песня труда».)

Каждое поколение преувеличивает значение своей эпохи, это естественно. Микаэль Рутанен ставил свою действительность выше эпической древности совершенно искренне. Погибшему в 1932 г., ему не пришлось ни разочаровываться в своем времени, ни оправдываться «ничегонезнанием». Он не участвовал в гражданской войне. От самых тяжелых вопросов человеческого бытия судьба его убергла. Он был рабочим человеком, и его поэзия – ценное свидетельство того, что происходило в душах рабочих, во что они верили, что было их идеалом. Он трудился на самых тяжелых работах и был счастлив этим. А когда человек созидает, когда, говоря словами Вольтера, он «возделывает наш сад», то каково бы ни было его мировоззрение и какова бы ни была эпоха, он остается в ладу с собственной совестью и будет достоин самого искреннего уважения потомков.

В отличие от Микаэля Рутанена Людвиг Косонен (1900–1938) был профессиональным политиком, революционером. Выходец из семьи петербургских финнов, Косонен с 1918 г. жил в Финляндии, еще не успевшей залечить раны гражданской войны. Молодой хельсинкский рабочий вступил в Коммунистическую партию и за участие в подпольной деятельности Социал-демократического союза молодежи был в 1926 г. арестован и приговорен к трем годам заключения. Почти все стихи Косонена были написаны в тюрьме. В 1930 г. Косонен эмигрировал в СССР.

«Тюрьма белых лахтарей не была тем местом, где поэт мог бы отдавать себя во власть фантазии, — вспоминал Косонен, — надо было думать прежде всего о том, как обойти цензуру. Тюрьма вынуждала прибегать к большому количеству сравнений, использовать метафорический язык»¹.

И все же стихи, написанные Косоненом в финской тюрьме, в какую бы метафорическую форму ни пытался облечь их поэт, были яркими, откровенными призывами к борьбе:

Tulkaa, tulkaa taistelun päivät
Jo jälleen miehelle mulle.
Ah, miten rakkaina rintaan jäivät
Haavanne haavoiterulle!

Lyökää, lyökää leveät miekat,
Niinkuin löitte jo kerta.
Viekää- juokaa heleät hiekat
Pois multa liikaa verta!

Tulkaa, tulkaa voittojen teitä
Työläiset miljoonaluvut
Hymyilkää huoleti hulluja meitä
Tulevat sankarisuvot! (С. 7)

(«Придите, придите, дни борьбы, ко мне опять! О, как любимы ранеными ваши раны! Бейте, бейте, мечи, как вы уже однажды били. Уносите, ясные песни, из меня лишнюю кровь! Пройдите, пройдите победной дорогой, миллионы рабочих. Улыбнитесь беспечно над нами, глупыми, будущие героические поколения!» «Человек из батальона смертников».)

---

¹ *Kosonen L. Marssimme eteenpäin.* Leningrad, 1932. S. 3. (В дальнейшем при ссылках на это издание в скобках указываются страницы.)

Идеал, смысл жизни героев Косонена иной, нежели у героев Рутанена, это не только труд, но и борьба за возможность выбирать труд, за возможность свободно, весело трудиться.

Часто в стихах Косонена кто-либо погибает, проливается чья-либо кровь: «...jokainen askele / taistoa tuskien tiellä» («Kumpi on suurempi». С. 8) («Каждый шаг был полон борьбы на пути испытаний». «Кто величественнее?»); «Ja sankariveri se kasteli Neuvosto-Venäjän multaa» («Trotski». С. 19) («Героическая кровь окропляла землю Советской России». «Троцкий».)

Не умирать естественной смертью, а погибать советует поэт пролетарию:

Elämänarvoitus
On selvä proletaarille,
Joka on ratkaissut kantansa
Luokkien väliseen taisteluun:
Elä iloisesti,
Tee paljon työtä,
Kaadu kuin mies!

(«Elämänprobleemi». С. 25)

(«Тайна жизни открылась пролетарию, тому, кто выбрал путь в классовой борьбе: живи весело, много работай, погибай, как мужчина». «Проблема жизни».)

В сборнике, изданном в СССР, «Шагаем вперед» («Marssimme eteenpäin») жажда боя, стремление «пролить» свою или чужую кровь странным образом совмещались у поэта с чисто философским отношением к жизни. Сказать «Живи весело и... погибай» мог человек, который не очень дорожил жизнью, или жизнь не дорожила им. Поэт был тяжело болен и, может быть, поэтому старался не отдавать себя во власть страданий, не преувеличивать их значения. В стихотворении «Тюремный сонет для себя самого» («Vankila sonetti itselleni») поэт приходит к выводу, что глупо жалеть себя, думая, что горькие муки – участь человека: «Разве возможна жалость там, // где в вечном огне // сгорают сомнения и догадки?»

В вечный спор о роли личности в истории Косонен вписывает свою страницу. К 1929 г. относится стихотворение «Человек за трибуной» («Mies puhujalavalla»), в котором поэт поначалу восхищен оратором, его якобы смелостью говорить о правде и лжи, осуждать все низкое, все плохое. Но вскоре почти по-толстовски Косонен обращается к оратору:

Siittenkin, vaikkapa itse kerta
Kääntyisit luokkasi vastaan
Ja roskana lentäisit ”ylikse laidan”
Ei ole kysymys yhdestä meihestä
Puhujalavalla.
Miljoonista on kysymys, ...
Ne täyttävät sen, mitä unelmoi,
Mitä julisti mies
Mies Puhujalavalla. (С. 18)

(«И все-таки если хотя бы раз ты повернулся против своего класса, то, как мусор, вылетел бы за борт. Суть не в одном человеке, суть в миллионах. ... Они исполняют то, о чем мечтает, что провозглашает человек за трибуной». «Человек за трибуной».)

Массы решают и судьбу лидера, и в конечном счете историю, считает поэт. В стихотворении «Троцкий» Косонен говорит об этом наиболее ярко, афористично.

Niin ristillä riiput nyt, Trotski,
Varoituksena, esimerkkinä kaikille niille
Suurille lapsille, itserakkaille hounille,
Jotka luulevat, että työväenluokka kumarta heitä,
Silloin, kun se kumartaa – oikeata tekoa. (С. 19)

(«Теперь ты распят, Троцкий, в назидание тем великим сынкам, которые думают, что рабочий класс кланяется им, когда он кланяется правому делу».)

Рассуждая, что не только отдельным людям, но и классам порой свойственно ошибаться, поэт задается вопросами: «Что есть правое дело? А что нет?». Косонен словно постоянно в чем-то сомневается. В его стихах много пессимизма и даже отчаяния. Некоторые стихи Косонена не совсем вписываются в поэзию 1920–1930-х гг. с ее пафосом, агитационностью, декларативностью, уверенностью.

Niin monta epäilystä, arvoitusta,
Niin monta sieluntuskaa, suurta hätää.
Niin vähän miestä, miehen uskallusta,
Niin paljon alhaisuutta, saastaa, mätää.

...
Ei yhtä tuumaa lahjaks kuljettua,
Viimeiseen pennin maksoit koko hinnan.

(«Erään rajapyykin vierrellä». С. 9)

(«Так много сомнений, загадок, душевной боли, больших несчастий, так мало людской веры, так много низкого, мерзкого, гнилого. ... Ничто не давалось даром, все оплачено полной ценой». «У вехи».)

Однако выводы, к которым приходит поэт в итоге своих размышлений, явно оптимистичны. Душевной боли, сомнениям Косонен противопоставляет борьбу:

Näin vuodet ahjossansa aina miestä
Ne taistotehtäviä varten valaa.
Ain yhä tietoisammaks tulet tiestä,
Ain yhä polttavammin rintas palaa. (С. 9)

(«Так годы в своем горне отливают человека для борьбы. И всегда более знающим становится он на этом пути, и более сильно пылает огонь в твоей груди». «У вехи».)

Смысл жизни героев Косонена, их идеал — это борьба за право свободно и радостно трудиться, если герои не обретают возможности трудиться, они погибают, но не приспособляются.

Перу Людвиг Косонена принадлежит также повесть «Знаменный марш» («Lippulaulu», 1932), рассказывающая о перипетиях рабочего движения в Финляндии в 1920-е гг. Предательство и приспособленчество среди левых. Как могло такое случиться? Как предатели становятся лидерами партии? «Войти в редколлегию газеты Tiedonantaja! Как такое возможно? — Очень просто...»¹. Вопросы, встававшие перед Паве Кивилаhti, главным героем повести, постоянно задавали себе и ее читатели. «Знаменный марш» был почти сразу же переведен на русский язык и вышел в 1934 г. в Ленинграде в государственном издательстве художественной литературы. Книгу оформлял ученик Павла Филонова, иллюстратор «Калевалы» Михаил Цыбасов (1894–1967), входивший в коллектив Мастеров аналитического искусства. «Читал „Знаменный марш“, <...> обдумывал, что бы нарисовать на обложке, делал эскизы, все никак не удовлетворяет, очень мучительно работать на заказ, зная, что если сделаешь хорошую вещь со своей точки зрения, там лучше и не показывай. Однако делать буду именно со своей точки зрения, т. к. иначе ничего не сделать»², — вспоминал художник (12 марта 1934 г.). Цыбасов привнес в оформление повести свое видение происходящего в Финляндии. С обложки на нас смотрят не просто участники событий послереволюционной Финляндии, это

¹ *Kosonen L. Lippulaulu. Leningrad, 1932. S. 48.*

² *Цыбасов М. П. Дневник // Сойна Е. Г. Финляндия в литературном и художественном наследии русского авангарда. М., 2009. С. 178.*

эпические герои, трагические и обреченные, но которым введома суть высоких идей, ясен смысл жизни и смерти. Тот факт, что Цыбасов оформлял книгу Косонена непосредственно после работы над иллюстрациями к «Калевале», сказался и на композиции обложки и на портретах героев. Прежде всего, художник добивается эпического звучания в оформлении. Суровые мужские лица, сосредоточенные умные взгляды, мускулистые руки, держащие знамя. Складки на полотнище знамени повторяются на лицах мужчин в сдвинутых бровях, в линиях сжатых губ. Никакой этнографии. Только головные уборы – жокейские кепи, шляпы английского покроя, популярные в Хельсинки 20-х годов, – говорят, что перед нами финские рабочие. Лица, «сделанные» точечным методом, раскрывают глубину человеческих характеров, подчеркивают понимание героями значимости происходящих событий, величия их «знаменного марша».

Высказывания главного героя «Знаменного марша» Паве Кивилаhti удивительно схожи с дневниковыми записями Цыбасова. Художник полностью согласен с позицией Людвиг Косонена по отношению к дельцам от комсомола, чиновникам, прикрывающимся именем пролетариата. Пролетарским искусством управляют враги пролетариата, «работай как все, делай слабые вещи на пролетарский рынок, а революцию в искусстве брось, по-ихнему – все это чепуха» (6.XI.1933)¹. «Администранты искусства, развивают вкус у пролетариев в духе мещанского благополучия, совсем такого, даже хуже того, с которым пытались бороться русские футуристы» (20.XII.1933)².

Идеалы финских поэтов-иммигрантов носили черты утопии, но их вера, искренность, жажда созидания были неподдельны. Своим воспеванием труда приехавшие в Россию финны развивали традиционную для литературы Финляндии тему созидания. Труд был излюбленным предметом изображения в финском искусстве и литературе, начиная с эпических рун о Вяйнямейнене. Известные стихи Эйно Лейно «Землю пустынную дал нам Господь / Мы превратили ее в виноградники» подкрепились художественными образами ударников и ударниц в финской поэзии России. Помимо всякой идеологии писать о труде было для финнов естественно. Эта тема была любима. Поэтизацией труда и необычным отношением к нему финские поэты-иммигранты привлекли внимание к своим произведениям читателей новой родины и вписали своеобразную страницу в русскую литературу 1920–1930-х гг. Через поэзию финских иммигрантов русские

---

¹ Цыбасов М. П. Указ. соч. С. 143.

² Там же. С. 154.

читатели знакомились с традицией финской культуры, финским менталитетом, финским национальным характером в эпоху катаклизмов, когда граница между Финляндией и Россией была практически закрыта.

Финские писатели-иммигранты в СССР разделили судьбу многих русских литераторов, погибших в годы репрессий. В то же время они выпустили здесь свои книги, заявили о себе яркой поэзией. Это была поэзия-мечта, поэзия-утопия, поэтические идеалы так и остались идеалами, но они являются реальными доказательствами той искренности, с которой создается подлинная поэзия.